

**B.L. Khamidullin. Formation of the Kazan khanate:
ethnic and social aspects**

In the ethnosocial and political history of many peoples that have long since inhabited the mid-Volga territory the problem of formation of the Kazan khanate is one of the most crucial.

The article points out that at the turn of the 14th–15th centuries to power in the Kazan khanate ascended a horde dynasty. The arrival to the Mid-Volga area of the numerically inferior to the local population horde of Khan Ulu-Muhammed led to the transformation and qualitative changes in the ethnic development of the basic local population and to the formation in the Kazan khanate's period of the Kazan Tatars subethnos within the composition of the Tatar ethnos.

© 1999 г., ЭО, № 4

Э.Л. Нитобург

**РУССКАЯ ИММИГРАЦИЯ В США
В ЗЕРКАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ СТАТИСТИКИ**

Русская диаспора в США относительно невелика и сложилась лишь в XX веке в результате трех волн эмиграции сначала из Российской империи, а затем из Советской России и СССР. Первая волна – это от середины 90-х годов XIX в. до 1917 г., вторая – от гражданской войны 1918–1922 гг. до 1944 г., третья – от 1945 г. до 60-х годов XX в., когда в США был разрешен въезд так называемым перемещенным лицам и «беженцам от коммунизма» и в их числе тысячам выходцев из России и СССР, не пожелавшим по разным причинам возвращаться на родину. Исторические особенности каждого из этих периодов нашли свое отражение в социальном и этническом составе, политических взглядах и убеждениях, причинах исхода, а также в характере деятельности и степени активности иммигрантов в Америке. Им пришлось претерпеть там немало трудностей, о которых мы все еще знаем очень немного. Даже некоторые представленные в нашей литературе и основанные на официальной американской статистике данные вызывают определенные сомнения. Вероятно, пришло, наконец, время отечественным ученым вплотную заняться исследованием истории и судеб русской диаспоры в Соединенных Штатах в XX в.

Уже спустя десяток лет после продажи Россией в 1867 г. Аляски в бывших владениях «Русско-Американской компании» на о. Ситка оставалось не более пяти русских семей. Остальные русские либо вернулись в Россию, либо переселились в Сан-Франциско. Судя по разным публикациям, к началу 70-х годов XIX в. немногочисленные группки русских иммигрантов имелись также в Нью-Йорке, Бостоне, Новом Орлеане. Н. Славинский, побывав тогда в США, писал: «Число наших иммигрантов за океаном невелико, и не тысячи, а едва ли сотни...». А к 1880 г. уже только в Нью-Йорке насчитывалось около 50 русских¹.

Регулярный учет приезжавших в США иммигрантов стал вестись и нашел свое отражение в американской статистике только в 1820 г. Из России туда прибыло в последующие 50 лет всего 7550 иммигрантов². Однако до 1899 г., т.е. до конца XIX в. американская иммиграционная статистика учитывала, как правило, страну происхождения иммигранта без указания его этнической принадлежности. Поэтому, сколько среди российских иммигрантов, прибывших в Америку в XIX в. из Российской империи, было немцев, поляков, евреев, финнов, литовцев, латышей, русских и др. – неизвестно.

Лишь в 1881 г. иммиграция в США из Российской империи впервые превысила 10 тыс. чел. в год. Только с этого времени она стала постепенно принимать массовый

характер. В 1881–1890 гг. из России в США прибыли 265,7 тыс. чел., в 1891–1900 гг. – 593,7 тыс. чел., в 1901–1910 гг. – 1,6 млн. чел., в 1911–1914 гг. – 868 тыс. чел., а в 1915–1917 гг. – всего ок. 47 тыс. иммигрантов. Таким образом, за 97 лет – с 1820 по 1917 г. из Российской империи в США прибыло не менее 3,3 млн. иммигрантов³. Что же касается их национальной принадлежности, то в первом десятилетии XX в., на которое пришлось почти половина всех российских иммигрантов, по данным проф. Джерома Дэвиса 43,8% их составляли евреи, 27% – поляки, 9,6% – литовцы, 8,5% – финны, 5,8% – немцы, 4,4% – русские, остальные 1% – лица других национальностей. По данным же российского автора С. Патканова, русские составляли 4,2%⁴. Остается несомненным фактом, что иммиграция в США из Российской империи за сто лет, с 1820 по 1920 г., по ее национальному составу была главным образом нерусской.

Характерно при этом, что и те и другие приведенные здесь показатели основаны на материалах американской иммиграционной статистики, ибо эмиграционной статистики в России тогда практически не существовало. Российскому праву тех лет, как писал в начале XX в. исследователь этой проблемы, «понятие эмиграции неизвестно, ибо не определяет нормального выхода из российского подданства и не признает бессрочного пребывания российских подданных за границей»⁵. Законодательство Российской империи не допускало свободного перехода в иностранное подданство и ограничивало пребывание российских подданных за границей сроком в 5 лет. Поэтому многие крестьяне западных губерний, уезжавшие в Америку, предпочитали «красть границу», т.е. переходить ее нелегально. Вплоть до 1917 г. эмиграция оставалась в России полулегальным явлением, молчаливо признаваемым властями, но официально так и не урегулированным. А статистику эмиграции в точном смысле этого понятия заменяла статистика выезда и въезда российских подданных через границы, учитывался пол пассажира, но данные о национальности, возрасте, семейном положении, стране назначения и другие в ней отсутствовали.

Появление с 1899 г. в иммиграционной статистике США рубрики «национальность» позволило, наконец, постепенно опровергнуть господствовавший долгое время в России взгляд о том, что российская эмиграция практически состоит из «инородцев», а коренное русское население якобы вообще не эмигрировало⁶. В действительности, хотя и с известным «опозданием», но в нарастающих масштабах «русские» с конца XIX в. также включились в этот процесс. Так, в 1899–1903 гг. в США въехало 9 тыс. «русских» (ок. 2% всех иммигрантов из России), в 1904–1908 г. – 45 тыс. (5%), в 1909–1911 гг. – 111 тыс. (12%). Переломным событием стала революция 1905–1906 гг. Если за 8 лет с 1899 по 1906 г., в США прибыли лишь 21 тыс. «русских», то за 7 лет с 1907 по 1913 г. – 144 тыс. Причем они прибывали не только из Российской империи, но и из Канады, Англии и других стран⁷.

Однако американская эмиграционная статистика не делила «русских», прибывающих в качестве подданных Российской империи на велико-, мало- и белорусов. Тем не менее, как отмечают и российские, и позднейшие американские исследователи, до 1906 г. среди «русской иммиграции» в США преобладали великорусы и белорусы, а после этого – малоросы и белорусы. Доля же (но не абсолютная численность) великорусов сокращалась⁸.

Самой ранней и наиболее крупной среди иммигрантских групп из России в США оказались немцы и особенно меннониты. Потомки приглашенных Екатериной II в 1763 г. немецких крестьян пользовались в России различными льготами (освобождение от военной службы, применение родного языка в школах и местных органах власти и др.). Среди колонистов было немало приверженцев секты меннонитов – противников войны и военной службы, сторонников религиозной свободы. К 70-м годам XIX в. в России было пять меннонитских округов. Но в 1871 г. вышел указ Александра II о том, что через 10 лет немецких колонистов станут призывать на военную службу, самоуправление и родной язык в школах и местных органах власти колоний и меннонитских округов отменяется. Политика русификации под девизом «Один царь, один язык, одна религия и обязательная военная служба» вызвала массовую эмиграцию

меннонитов. Только в 1873–1883 гг. их прибыло в США 18 тыс. чел. В Канзасе, Северной Дакоте, Миннесоте, Оклахоме, Небраске меннониты стали одной из самых преуспевающих фермерских групп⁹.

Религиозному остракизму в Российской империи подвергались не только представители этнических меньшинств, но и отколовшиеся от официальной православной церкви великорусы, малорусы, белорусы. К концу XIX в. в России насчитывалось до 2 млн. раскольников и сектантов, не считая членов тайных сект, формально не порвавших с официальной церковью. Но особо «вредными», по определению Святейшего синода, считались духоборы, молокане-прыгуны, хлысты, штундисты, субботники. Репрессии, а также гонения со стороны церковной иерархии и местных властей вынудили духоборов обратиться к царскому правительству с просьбой о разрешении на выезд в Америку. Несмотря на попытки Петербурга оттянуть решение этого вопроса, духоборам удалось добиться такого разрешения. В 1898–1902 гг. ок. 7,5 тыс. духоборов выехали в Канаду. Часть их позже переселилась в США. В 1894–1904 годах туда уехали многие сотни семей штундистов, расселившихся в основном в Северной и Южной Дакотах¹⁰.

Еще в 60-х гг. XVIII в. от духоборов отпочковалась религиозная секта духовных христиан или молокан. С конца XIX в. молокане-прыгуны Закавказья и Закаспийской области также стали добиваться разрешения на выезд из России. Русско-японская война лишь укрепила решимость их, как противников насилия, эмигрировать в Америку. Примеру «прыгунов» последовала другая часть молокан – так называемые «постоянные». В период с 1901 по 1913 г. более 3,5 тыс. «прыгунов» и почти столько же «постоянных» молокан, в основном крестьян, прибыли в США, поселившись главным образом в Калифорнии¹¹.

Вслед за молоканами и штундистами в США эмигрировали несколько групп приверженцев давно существовавшей в России секты «субботников». Практически, в период с 1890 по 1905 г. большую часть «русских» иммигрантов в США составляли приверженцы различных религиозных сект, а преобладающую долю среди сектантов – великорусы. Но уже начиная с 1907 г. число русских иммигрантов – религиозных изгнанников, прибывающих в США, заметно сократилось¹².

1870-е годы были отмечены спонтанными поездками в Америку группок или отдельных представителей народнически настроенной российской молодежи, стремившихся осуществить на практике идею создания земледельческих коммун. Среди них можно назвать В. Гейнса, Н. Дебогория-Мокриевича, Г. Мачтета, И. Речицкого, А. Романовского, К. Маликова, К. Пругавина, Н. Чайковского и др. Но после воцарения Александра III приток политических беглецов из России в Америку заметно вырос. Как отмечалось в секретном жандармском обзоре, численный состав политической эмиграции из России «увеличился ввиду суровости мер сыска, предпринятых полицией после 1 марта» (день убийства народовольцами в 1881 г. Александра II – Э.Н.).

К середине 1890-х гг. доминировавшая в среде российской политической иммиграции в Америке народническая идея уступила место социал-демократической доктрине. К этому времени в Нью-Йорке уже существовало Русское (позже Российское) социал-демократическое общество, в Чикаго – Группа русских социал-демократов. Они установили связи с группой «Освобождение труда» Г.В. Плеханова, а в начале XX в. с редакцией «Искры» и Заграничной лигой русской революционной социал-демократии. Некоторые из этих политиммигрантов позже вошли в Социалистическую партию Америки¹³.

После поражения революции 1905–1906 гг. в России наступили годы политической реакции и, спасаясь от расправы, бежали за границу, в том числе в Америку сотни участников революционного движения. Среди них были большевики и меньшевики, эсеры и анархисты, бундовцы и трудовики, социал-демократы Польши и Литвы, а также националисты разных окрасок. И каждая из представленных в США групп российских политических эмигрантов стремилась по-своему влиять на рядовую имми-

грантскую массу и американское общество. «Русская колония в Соединенных Штатах, — писал о ней летом 1917 г. член РСДРП П.М. Керженцев, — насчитывает много тысяч. Она рассеяна по фермам, заводам, мелким городам и крупным городским центрам. Значительная доля выходцев из России не принадлежит к великорусской национальности и обычно группируется в национальные организации всякого рода. Среди эмигрантов, покинувших Россию, численно преобладали евреи, поляки, латыши, украинцы и другие жители окраин, покинувшие родину-мачеху не столько даже из-за экономических, сколько из-за политических причин»¹⁴.

Экономическая или трудовая эмиграция из России в США постоянный и массовый характер приобрела лишь в начале XX в. Однако значительная часть трудовых эмигрантов из российской деревни уезжала в Америку в расчете, заработав и подкупив «приличную» сумму денег, вернуться домой. Статистика свидетельствует: если в среднем за время с 1908 по 1913 г. на каждые 100 прибывших в США российских иммигрантов приходилось 19 реэмигрантов, то на каждых 100 русских (т.е. велико-, мало-, белорусских) иммигрантов — более 1/3 реэмигрантов¹⁵.

В годы первой мировой войны приток в США иммигрантов-выходцев из России почти прекратился. Но если исходить из того, что в предвоенное десятилетие среди них на долю «русских», т.е. велико-, мало- и белорусов приходилось не более 5%, то общее число прибывших сюда в 1915–1918 гг. в качестве иммигрантов русских — 13,5 тыс. превысило эту долю в 5 раз. Гражданская война положила начало новой волне эмиграции из России, в том числе и в США.

Характеризуя социальный состав российской иммигрантской колонии, сложившейся к этому времени в США, член прибывшей туда чрезвычайной миссии Временного правительства России Е.И. Омельченко на совещании представителей иммигрантской общественности в Нью-Йорке, в сентябре 1917 г., констатировал, что если среди российских иммигрантов евреев и поляков еще встречаются люди среднего класса, то «остальные национальности — украинцы, латыши, эстонцы, финны и коренные русские — почти сплошь состоят из рабочего люда. Отсутствует буржуазия и очень мало интеллектуальных сил. Особенно верно это в отношении коренной русской колонии. Она состоит, главным образом, из крестьян, выходцев из Западных и Северо-Западных губерний России. Работают не только в крупных центрах, но и в сельских районах, исполняя самые тяжелые работы на металлургических заводах, рудниках и т.д.»¹⁶.

В переписях 1910 и 1920 г. был введен учет американцев первого и второго поколений по показателю родного языка (mother tongue). Опросу о родном языке подвергались лишь родившиеся за границами США и те из урожденных американцев, чьи родители, или хотя бы один из них, родились за границей. Эти два поколения объединялись рубрикой «лица недавнего иностранного происхождения». Внуки и внучки иммигрантов попадали уже в разряд «коренных» американцев.

В результате, на основе переписи 1910 г. официальная статистика США зарегистрировала 91.341 лиц, считавших родным русский язык, а себя русскими. Из них 57.926 родились вне США, а 31.415 — в США, причем оба или хотя бы один из родителей был русским. Перепись же 1920 г., а вслед за ней официальная статистика зарегистрировала в США 731.949 лиц, считавших родным языком русский, а себя — «русскими». Из них 392.049 родились вне США, а 339.900 — в США, причем оба или хотя бы один из родителей был «русским»¹⁷.

Но уже в то время эти цифры были встречены с недоверием. В частности, проживавший с 1903 г. в США русский иммигрант, профессор-зоолог А.И. Петрунkevич (1875–1964), работавший ко времени этой переписи в Йельском университете, оценивал реальное число «русских» (т.е. великоросов, малоросов, белорусов) и родившихся к 1920 г. в США их детей не более, чем в 400 тыс. чел. А другой, прибывший в Америку еще в конце XIX в. выходец из России, автор двух монографий, экономист и статистик, ученый библиограф американского конгресса И.А. Гурвич полагал, что таких лиц в США насчитывается менее 300 тыс. чел.¹⁸ И эту оценку поддержал

руководитель ЦСУ СССР в конце 20-х годов В.В. Оболенский (Осинский). В своем труде о международных миграциях в России и СССР он писал: «Мы целиком согласны с автором наименьшей оценки И.А. Гурвичем, что число всех русских в США в 1920 г. было даже менее 300 тысяч». И далее он пояснял, что в 1910 г. в США жило около 58 тыс. русских, рожденных вне США. За время с 1911 г. туда из России и других стран прибыло 156 тыс. русских иммигрантов, а выехало оттуда 78 тыс. русских иммигрантов (на самом деле 76,4 тыс. – Э.Н.). Но в переписи 1920 г. было зарегистрировано почему-то в числе рожденных вне США 392 тыс. русских и 56 тыс. украинцев (Ruthenians) и получается, что число рожденных вне США украинцев с 1911 по 1920 г. выросло всего на 35 тыс., хотя въехало их туда за эти десять лет 113 тыс., а выехало оттуда только 20 тыс., и, следовательно, осталось 93 тыс. «Отсюда, – заключает Оболенский, – становится ясным, что, во-первых, число русских, включая их детей, рожденных в США, было немного преувеличено и, вероятно, менее 300.000, а во-вторых, что число украинцев было преуменьшено потому, что многие из них классифицировали себя как русских»¹⁹.

Однако упомянутый уже член Чрезвычайной миссии Временного правительства Е.И. Омельченко в своей публикации «Финансово-экономическое состояние Соединенных Штатов в 1917 г.» определил численность «русских» к июлю 1917 г. в 192.924 чел. Если учесть, что за 4 года – с 1917 по 1920 г. в США из России и других стран въехали всего 9.134 «русских» иммигрантов, то следует признать эту цифру несущественной для общей оценки числа русских в 1920 г.²⁰

Так какова же была на самом деле численность русских иммигрантов первой – дореволюционной «волны» и рожденных в Америке их детей ко времени появления в США русских иммигрантов второй – послереволюционной «волны», составной части российской «белой эмиграции», как ее стали тогда называть?

Отвечая на этот вопрос, известный российский демограф В.М. Кабузан, применив ту же методику, что В.В. Оболенский (Осинский), но используя данные о прибывших в США и выбывших оттуда русских иммигрантах только из России и в Россию²¹, также пришел к выводу, что столь быстрый прирост числа «русских» в США с 1911 по 1920 г. явно не соответствует их реальной иммиграции туда в эти годы. В ходе «проведения переписи 1920 г., – пишет он, – многие представители других этносов, прибывавшие из России (особенно евреи) называли себя русскими. Более того, и в дальнейшем украинцы, белорусы и евреи, попавшие при регистрации в число "русских", как правило, продолжали идентифицировать себя с русскими». Поэтому, хотя установить точную численность этнических русских в США в 1920 г. не представляется возможным, следует целиком согласиться с утверждением В.М. Кабузана, что «она не превышала нескольких десятков тысяч»²².

За девять лет – с 1914 по 1922 г. – Россия пережила две войны – мировую и гражданскую, две революции, распад «единой и неделимой» империи, голод в Поволжье и невиданную в ее истории по своим масштабам волну эмиграции. Если в прошлом процесс эмиграции из России растянулся на десятилетия, происходил постепенно и более или менее организованно, то послереволюционная «белая» эмиграция охватила за очень короткое время, всего за 4–5 лет, массу людей, не подготовленных к ней. Точных данных о численности и этническом происхождении всех лиц, покинувших Россию за годы революции и гражданской войны, нет да и едва ли их возможно определить, хотя известно, что на этот раз впервые в числе эмигрантов преобладали этнические русские. Во всяком случае, известный французский демограф Франк Лоример число политических эмигрантов из России после революции определил примерно в 1,5 млн. чел. Ту же цифру назвал в своем исследовании профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке Юджин Кулишер, сын русского этнографа Михаила Кулишера²³. Большинство отечественных исследователей полагает, что число «белых эмигрантов», покинувших в 1918–1922 гг. Россию по политическим мотивам, составило приблизительно 1,5–2 млн. человек²⁴. В их числе была высока доля молодых мужчин – солдат и офицеров русских армий.

Лидер кадетов, историк профессор П.Н. Милуков не случайно называл российскую эмиграцию 1918–1922 гг. «политической», ибо причиной ее была революция – политическая и социальная катастрофа бывших имущих классов и правящих слоев. Кроме того, значительную долю эмигрантов этих лет составляли солдаты белых армий, которые происходили из крестьян и казаков. Современники отмечали, что среди российских беженцев был необычайно велик удельный вес образованных людей. Как вспоминал эмигрантский писатель младшего поколения Владимир Варшавский, «за рубежом во то время оказалась значительная часть верхнего слоя русского общества: писатели, философы, богословы, профессура, художники и артисты, бывшая знать, чиновники, офицеры, "земскогородские" деятели и люди либеральных профессий, наконец, остатки русской интеллигенции: немногочисленные, но активные группы кадетов, эсеров и меньшевиков»²⁵.

Проблема беженцев из России осложнялась тем, что они оказались людьми без гражданских прав, ибо уже в 1921 г. советским правительством был издан декрет о «лицах, которые добровольно служили в армиях, сражавшихся против советского строя, или участвовали в контрреволюционных организациях», лишивший их российского гражданства. В 1924 и 1933 гг. он был дополнен еще более жесткими декретами, лишавшими беженцев подданства и превращавшими их в апатридов – людей без гражданства либо с паспортом несуществующей Российской империи²⁶. Войдя в положение российских беженцев, Лига наций взяла на себя их политическую и юридическую защиту от полицейских придинок и репрессий и обеспечивала специальными сертификатами, так называемыми «нансеновскими паспортами». Они выдавались правительством страны проживания беженца на определенный срок, не приравнивались к обычным государственным паспортам и не давали право обладателю сертификата, выехавшему из данной страны, вернуться в нее. Тем не менее, благодаря сертификату беженец, во-первых, мог вернуться в страну исхода, а во-вторых, обретал что-то вроде идентичности, юридическую защиту, право устройства на работу (которого без сертификата он никогда не получил бы) и т.д. Правда, уже в 1937 г. число лиц с «нансеновскими паспортами» не превышало 445 тысяч, но обладателям их эти документы оказались весьма полезными в годы второй мировой войны²⁷.

Большинство «белых» эмигрантов, покинувших после революции в 1918–1922 гг. Россию, осело в Европе и на Дальнем Востоке и лишь меньшинство оказалось в Соединенных Штатах. Правда, к началу 1918 г. там уже находилось несколько сотен русских – представителей дипломатических служб, гражданских и военных членов и сотрудников Чрезвычайной миссии и комиссий по военным закупкам Временного правительства, а также других лиц, оставшихся в США после революции. По данным официальной статистики, в 1917 г. из разных стран прибыло в США 3711 чел. русских эмигрантов, в 1918 г. их насчитывалось – 1513 чел., в 1919 г. – 1532 чел., в 1920 г. – 2378 чел., в 1921 г. – 2887 чел., в 1922 г. – 2481 чел., в 1923 г. – 4346 чел. Среди перечисленных мигрантов из самой России в 1917 г. прибыло 1006 чел., в 1918 г. – 684 чел., в 1919 г. – 370 чел., в 1920 г. – 269 чел., в 1921 г. – 793 чел., в 1922 г. – 884 чел., в 1923 г. – 1060 чел.²⁸ Перебралась в США и группа русских из особой дивизии, отправленной царским правительством в 1916 г. во Францию. В 1918–1919 и в 1920-х годах на Западное и Восточное побережье США продолжали приезжать семьями и в одиночку русские иммигранты с Дальнего Востока и из Европы. По иммиграционному закону 1921 г. основная квота для России составляла 24.405 чел., а по закону 1924 г. – 2.248 чел.²⁹

В 1935 г. годовая квота для въезда уроженцев России и Советского Союза в США была установлена в 2.172 иммигранта, но в связи с запретом Москвы на свободный выезд категория иммигрантов из русских советских граждан практически отсутствовала, если не считать так называемых «невозвращенцев» – отдельных лиц, выехавших в заграничную командировку и не вернувшихся в СССР, среди них были химик академик В.И. Ипатьев, физик Г. Гамов, А.Л. Толстая и др. Подавляющее большинство русских иммигрантов в 1930-е годы прибывало в США из стран Европы и

Дальнего Востока. Именно в этот период в Америке поселились экономист, будущий Нобелевский лауреат В.В. Леонтьев, кораблестроитель В.И. Юркевич, астроном С.И. Гапошкин, физико-химик, будущий главный советник президента Д. Эйзенхауэра по науке Г.Б. Кистяковский, химики В. Григорьев, Г.М. Косолапов, И. Глинка, биологи М. Рашевский, Л. Богорад, социолог Н.С. Тимашев, хореограф Г.М. Баланчин, композитор Н.Д. Набоков, художник И.А. Вербов и др. Не случайно автор статьи, опубликованной в 1930-х годах, заметил, что по контрасту с массовой довоенной иммиграцией из царской России большинство новых иммигрантов-беженцев, прибывших из этой страны в США, принадлежали к образованному классу³⁰.

По данным статистики в 1935 г. из числа иммигрантов 343 чел. были зарегистрированы как «русские», при том, что непосредственно из СССР прибыло только 67 иммигрантов. В 1937 г. было зарегистрировано 512 прибывших «русских» и лишь 97 иммигрантов из СССР, в 1939 г. – 840 чел. «русских» и 59 иммигрантов из СССР, в 1941 г. – 940 «русских» и 41 иммигрант из СССР. Если в 1921–1930 гг. в США прибыли 61.742 иммигранта из России-СССР и было зарегистрировано 25.648 прибывших оттуда же и из других стран «русских», то в последующие 11 лет – с 1931 по 1941 гг. при общем числе иммигрантов из СССР в 1.397 чел. количество прибывших оттуда же и других стран лиц, зарегистрированных как «русские», составило 6.594 чел., и почти половина их прибыла в 1938–1941 гг.³¹ В действительности их было больше, ибо некоторые прибыли не в качестве «квотных» иммигрантов (въезд иммигрантов из стран Западного полушария квотой не ограничивался), а либо по особому разрешению, либо нелегально через Канаду или Мексику³².

Иначе говоря, накануне второй мировой войны и особенно в 1940–1941 гг., после оккупации нацистской Германией Франции и ряда других европейских стран, оттуда разными путями сумело перебраться в США значительное число проживавших там к этому времени послереволюционных российских беженцев русского, украинского и еврейского происхождения, придерживавшихся самых различных политических взглядов.

По отчетам Службы иммиграции и натурализации при Министерстве юстиции США за время с 1921 по 1940 гг. туда прибыло 63.098 уроженцев России, в том числе в 1921–1930 гг. – 61.742 чел., а в 1931–1940 гг. – всего 1.356 чел.³³ Но более или менее точных данных о том, сколько среди них было этнических русских, никому из исследователей установить не удалось, да и едва ли это возможно. В целом же, по оценкам некоторых исследователей, общее число русских иммигрантов, прибывших в период между двумя мировыми войнами из Европы и Дальнего Востока в США, составило не менее 20 тыс. чел. (в частности, только из Литвы за это время туда выехало около одной тыс. русских)³⁴. За годы второй мировой войны в США прибыло около 3 тыс. квотных иммигрантов – уроженцев России, но сколько среди них было этнических русских – неясно. По оценкам же ряда американских авторов, число прибывших разными путями в США за время с 1918 по 1945 г. русских колеблется от 30 до 40 тыс. чел.³⁵

Что же касается общей численности проживавших в США «русских», то перепись 1930 г., в отличие от двух предшествующих, учитывала родной язык только американцев, родившихся вне США. И если в 1920 г. таких лиц, назвавших русский язык родным, а себя «русскими», было 392 тыс. чел., то в 1930 г. их оказалось 315,7 тыс. При этом 262,8 тыс. из них родились в России, а около 53 тыс. в третьих странах. Как отмечали в своей статье «Русские в Соединенных Штатах» известные в те годы слависты Ярослав Чиж и Йозеф Ружек, в ходе этой переписи «русскими» себя назвали 3 тыс. украинцев-штундистов Северной Дакоты и около 40 тыс. выходцев из Австрии, Венгрии, Польши и Чехословакии. По расчетам, сделанным этими авторами, русских первого поколения в США в 1930 г. было не более 90 тыс. чел., а вместе со вторым поколением примерно 232 тыс. чел.³⁶

По переписи 1940 г., «русскими» себя назвали уже 356.940 американцев, родившихся вне США, хотя в период с 1931 по 1940 г. туда прибыло в качестве «квотных

иммигрантов» – уроженцев России всего 5.654 человека (в том числе из СССР – 1.356 чел.). Кроме того, «русскими» себя назвали 228.140 лиц второго поколения. Таким образом, общее число «лиц недавнего иностранного происхождения» («foreign stock»), назвавших себя по признаку родного языка в ходе переписи 1940 г. «русскими», составило 585.080 чел. Комментируя эти данные, автор раздела о русских американцах в монографии «Единая Америка» Й. Ружек подсчитал: если исключить из 585 тыс. лиц, назвавших родным языком русский, русскоязычных евреев, украинцев, грузин и других иммигрантов из России и их потомков, так же, как русофильских украинцев и карпаторусов из Галиции, Буковины, Карпатской Украины (т.е. русинов), то подлинное число иммигрантов из собственно России и Белоруссии и их потомков, вероятно, не превысит 250 тыс. чел.³⁷

Характеризуя вторую волну российской иммиграции в США, этот автор писал: «Российская революция и установление советского режима заставили многих русских приверженцев старого режима искать убежище в Соединенных Штатах. В отличие от массы дореволюционных иммигрантов, большинство этих беженцев принадлежали к интеллигенции, и поэтому их присутствие в США стало более заметным, чем сотен тысяч сельскохозяйственных и промышленных рабочих, которые почти полвека своим изнурительным трудом способствовали величию Америки»³⁸.

Хотя с 1920-х годов и вплоть до второй мировой войны культурным центром русской эмиграции, как известно, считалась столица Франции, однако вскоре после войны он переместился из Парижа в Нью-Йорк.

Нападение Японии в декабре 1941 г. на Пирл-Харбор, поставившее перед Вашингтоном в самой прямой форме вопрос о готовности США отразить угрозу своей национальной безопасности, оттеснило проблемы их иммигрантской политики на задний план. Но так как уже в 1942 г. войска западных держав столкнулись на Ближнем Востоке с проблемой беженцев, для ее решения в ноябре 1943 г. после длительных переговоров делегациями 44 стран было подписано в Вашингтоне соглашение о создании Администрации помощи и восстановления при Объединенных нациях – ЮНРРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – UNRRA). На завершающем этапе второй мировой войны перед правительствами США, СССР и Великобритании встал вопрос о судьбах миллионов так называемых перемещенных лиц – «ди-пи», как их именовали (displaced persons – «d.p»), находившихся в качестве захваченных гитлеровцами военнопленных или рабочих из разных стран на территории Германии и других государств Европы. Именно на ЮНРРА была возложена задача помочь им вернуться после войны домой. В связи с этим 11 февраля 1945 г. при подписании в Ялте договора трех держав между ними были заключены также секретные соглашения во взаимном возвращении «ди-пи». В этих соглашениях оговаривалось, что «все советские граждане ... содержатся ... в лагерях или сборных пунктах до момента их передачи советским ... властям»³⁹. В дополнительном соглашении в мае 1945 г. между командованиями советских и западных оккупационных войск в Европе подчеркивалось, что советские граждане, освобожденные после 11 февраля 1945 г. считались перемещенными лицами, находящимися в ведении Объединенных наций, но должны быть «отделены от граждан других наций и... находиться в отдельных сборных пунктах, где их советское гражданство будет подтверждено представителями Советской репатриационной комиссии (СРК)», получившей «все права для назначения внутренней администрации, установления внутренней дисциплины и контроля на основе военных порядков в СССР... После установления советского гражданства представителями СРК, перемещенные лица будут репатрированы, невзирая на их личные желания»⁴⁰.

Тем самым любой из советских «ди-пи» был лишен права свободного решения вопроса о своей дальнейшей судьбе. Однако формально объединенные статистически, на бумаге, в одну категорию – советские «перемещенные лица», в действительности, представляли собой людей не только различного этнического и социального происхождения, образовательного и культурного уровня, но порой также разных идеологических убеждений и политических взглядов. Несомненно, большинство из почти

6 млн их с нетерпением ожидали того дня, когда они смогут вернуться на родину, к своим семьям. Однако среди советских «ди-пи» и особенно в лагерях перемещенных лиц, созданных на территориях, оккупированных войсками западных держав, были и люди, отнюдь не желавшие репатриации в СССР: «власовцы» – солдаты и офицеры Российской освободительной армии (РОА), а также рядовые и командиры казачьих, калмыцких и других воинских соединений, сражавшихся на стороне Германии, бежавшие с отступавшим вермахтом полиция и всякого рода гражданские прислужники германских оккупационных властей на территории СССР, наконец, бывшие «белоэмигранты» и их потомки, еще до войны нашедшие приют в странах, занятых в 1944–1945 гг. войсками Советской армии. Памятута о печально «знаменитом», подписанном Сталиным 6 августа 1941 г. приказе № 270, приравнявшем плен к измене родине со всеми вытекающими последствиями для такого лица, боялись возвращаться на родину и сотни тысяч солдат и офицеров Советской армии, не связанных с РОА, оказавшихся в плену отнюдь не по своей вине в первый, труднейший для СССР год войны.

Уже к концу 1945 г. в СССР было репатрировано более 5,1 млн советских граждан, в том числе более 2,3 млн чел. из оккупационных зон западных держав. Тем не менее, в начале 1946 г. там оставалось еще более 0,5 млн «ди-пи», всячески стремившихся избежать репатриации и получивших за это прозвище «невозвращенцев». Среди них было немало выходцев из Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины и Белоруссии, не входивших до 1939 г. в состав СССР, вследствие чего западные союзники их советскими гражданами не считали и репатриации в СССР не подвергали. Что же касается «советских невозвращенцев» – выходцев с довоенной территории СССР, то по некоторым данным 43% их составляли украинцы, 28% – русские, 9% – белорусы, 15% – татары и представители народов Поволжья, Сибири, Средней Азии, 5% – представители народов Северного Кавказа и Закавказья⁴¹. Отказавшись от репатриации, они фактически превращались в политических беженцев, лиц без гражданства. В 1946–1947 гг. число их заметно выросло за счет тысяч новых беглецов, стекавшихся в оккупационные американские, британские и французские зоны в Германии и Австрии из соседних стран, оказавшихся под контролем Москвы. На Западе всех их стали теперь называть «беженцами от коммунизма».

Вопрос о судьбах этих людей с началом «холодной войны» также стал одним из элементов растущего с каждым годом политического противостояния и острой борьбы в ООН между СССР и западными державами. А поскольку последние к этому времени твердо отвергли «ялтинский» принцип принудительной репатриации «ди-пи» и других «беженцев от коммунизма», то единственным практически возможным способом решения проблем сотен тысяч сконцентрированных в центре Европы беженцев стала программа расселения этих людей в странах, которые согласятся их принять. Для практической реализации этой программы западным державам, располагавшим тогда поддержкой большинства представленных в ООН стран, удалось вопреки противодействию Москвы создать специальную Международную организацию по делам беженцев – ИРО (The International Refugee Organization)⁴².

Однако каждому из невозвращенцев, отказавшемуся от репатриации домой и ставшему политическим беженцем, предстояло формально обосновать свой отказ фактами, свидетельствующими либо о существующей для него угрозе гонений на родине, связанных с расовой или национальной принадлежностью, религиозными убеждениями, семейными обстоятельствами, либо о разногласиях политического характера, признанными ИРО достаточно вескими и не противоречившими принципам ООН.

Практически же, чтобы получить в качестве беженца помощь со стороны ИРО, невозвращенец должен был документально доказать, что он был насильно вывезен в Германию на принудительные работы, не воевал против союзников, не проживал до 1939 г. на территории СССР. Поэтому-то многие, спасая свою жизнь, вообще выдвигали себя не за советских граждан и тем более не за русских, для этого им приходилось менять свои имена, место рождения и всю биографию, подтверждая это фальшивыми документами.

В 1950 г. исполнительный директор Толстовского фонда в США Александра Львовна Толстая в статье о русских в лагерях «ди-пи», рассказывая, как они «за одну ночь становились поляками, сербами, украинцами или прибалтами», писала: «Когда сообщалось, что утром ожидается прибытие репатриационной комиссии, то ночью в лагерьном бараке собирались и сжигались советские паспорта и другие документы. ...И когда утром приезжала советская комиссия, то она не находила там советских граждан. У людей оказывались документы с указанием различных национальностей, за исключением русской, и американцы отказывались выдавать их коммунистам»⁴³.

А вот как вспоминал об этом родившийся в Югославии сын «белого» эмигранта, оказавшийся в 1945 г. в лагере для «ди-пи» в Британской оккупационной зоне в Австрии: «Вскоре начали появляться советские репатриационные миссии, и мы часто видели приезжавший большой красный автобус, на котором золотыми буквами по-русски было написано: "Родина-мать ждет вас!". А затем начинались опросы, и все те, кто жили на советской территории, должны были по условиям Ялтинского соглашения между западными союзниками и Советским Союзом туда вернуться... Мы обязаны были предстать с нашими документами перед комиссией. Там находились американские, британские, французские и советские офицеры. Опрашивался каждый человек. И самым важным для всех, кто жил в нашем лагере, было раздобыть фиктивные документы, доказывающие, что он родился в Югославии, Польше, где угодно, но не в Советском Союзе. Эти документы были прекрасно сделаны, и люди очень быстро научились тому, как сказать несколько слов на соответствующих языках»⁴⁴.

Разумеется, большинство стран, принимавших «ди-пи» по линии ИРО, было по признанию А.Л. Толстой «заинтересовано в получении дешевой рабочей силы»⁴⁵. Всего за время деятельности этой организации с июля 1947 г. по декабрь 1951 г. по Программе помощи ИРО в 48 странах было расселено более миллиона «ди-пи» в том числе 328 тыс. чел. в США (31,7%), 182 тыс. чел. в Австралии (17,5%), 123 тыс. чел. в Канаде (11,9%), 132 тыс. чел. в Израиле (12,7%), 86 тыс. чел. в Англии (8,3%) и т.д. Однако, в последующие годы некоторые из этих людей также переселились в Соединенные Штаты. Из Советского Союза в границах 1939 г. (без Прибалтики и Западной Украины) в этом переселении участвовало (не считая лиц, изменивших имя и гражданство по фиктивным документам) 41,3 тыс. чел., в том числе 15 600 чел. в США, 8.500 чел. в Канаду, 5.700 чел. в Австралию, 2.700 чел. в Парагвай, 2.000 чел. в Венесуэлу, 2.000 чел. в Аргентину, 1800 чел. в Бельгию, 1.700 чел. в Израиль, 1.400 чел. в Бразилию. По данным ИРО, за это время более чем 98% беженцев были вывезены из Европы, не менее 10–12 тыс. в Дальнего Востока (главным образом из Маньчжурии и других районов Китая), в том числе часть в США, а остальные – в Австралию, Парагвай, Бразилию, Венесуэлу, Доминиканскую республику, Панаму⁴⁶. Однако некоторые из них сумели спустя несколько лет также перебраться из стран Южной Америки в США. Например, в 1950-х гг. при содействии Толстовского фонда в Нью-Джерси прибыла большая группа русских староверов. Позже часть их переселилась в Орегон, а в 1960 гг. ряд семей далее – на Аляску. В 1950-х годах в Калифорнию из Ирана приехали ок. 700 русских молокан, бежавших туда в начале 1930-х гг. из СССР, спасаясь от коллективизации⁴⁷.

По официальным данным, с середины 1947 г. по конец 1951 г. в США при помощи ИРО было доставлено и расселено практически по всем штатам не менее 137,7 тыс. чел. бывших советских граждан, в том числе 45.044 тыс. чел. с Украины, 38.637 чел. из Латвии, 27.825 чел. – Литвы, 10.992 чел. – Эстонии, 1.135 чел. – Белоруссии, 14.056 чел. – жителей остальной территории СССР⁴⁸.

Однако действительная численность бывших советских граждан, допущенных в США за указанные 4,5 года была, несомненно, выше официальной, ибо тысячи их приехали по фиктивным документам и, по словам И. Дугаса и Ф. Черона, «долгие годы старались не признаваться, что они советские, выдавая себя за поляка, прибалта и т.д.»⁴⁹.

В 1953–1965 гг. на основании законов о помощи беженцам в США было допущено

еще ок. 200 тыс. чел. «беженцев от коммунизма» в основном из стран Восточной Европы, в том числе ок. 7 тысяч лиц «русского происхождения»⁵⁰. В целом же по данным официальной статистики, в период с 1951 по 1970 г. в США прибыло 62,2 тыс. чел. разных категорий иммигрантов «русского происхождения» (т.е. родившихся в России или в СССР). Причем 2.920 из них прибыли непосредственно из СССР, а 59,3 тыс. – из других стран. Однако, общая численность лиц первого и второго поколений (Foreign Stock) «русского происхождения» в населении США за эти двадцать лет сократилась с 2.542 тыс. в 1950 г. до 2.287 тыс. в 1960 г. и до 1.943 тыс. в 1970 г., в том числе лиц, родившихся не в США, соответственно, с 895 до 689 тыс. и до 463 тыс., а родившихся в США, соответственно, с 1.647 тыс. до 1.598 тыс. и до 1.480 тыс. Численность среди тех и других лиц, назвавших родным языком русский, сократилась с 585 тыс. в 1940 г. до 335 тыс. в 1970 г. (в том числе 149 тыс. среди родившихся не в США и 185 тыс. среди родившихся в США)⁵¹.

В 1990 году число «русских по происхождению» в США достигло 2953 тыс. чел.⁵², однако о том, что представляет собой статистическая категория «русское происхождение» можно судить хотя бы по данным переписи 1960 г., когда 32% иммигрантов этой категории родным языком назвали русский, 35% – идиш, 12% – литовский, а остальные – украинский, немецкий, польский и др.⁵³. И если можно полагать, что все, или почти все назвавшие родным языком идиш – евреи, то среди назвавших родным языком русский наверняка было какое-то число русскоязычных евреев (хотя гораздо меньшее, чем в 1920–1930-х гг.), украинцев, поляков и др. Но определить, сколько среди таких лиц в 1960 или 1970 г. было этнических русских ныне еще сложнее, чем в начале века, да и едва ли вообще возможно, прежде всего потому, что к этому времени уже не менее половины всех браков, заключенных белыми американцами-старожилами, являлись этнически смешанными, причем особенно широко такие браки были распространены среди потомков выходцев из стран Восточной Европы. Для того, чтобы как-то определить этническое происхождение большей части современных белых американцев, приходится привлекать целый ряд косвенных данных (в том числе не только о стране происхождения, но и месте рождения предков, об их языке, фамилии, вероисповедании и др.) и использовать специальные методики. Кроме того многие из бывших советских «ди-пи» – «невозвращенцев», в том числе русских, еще до отправки за океан постарались сделать все, чтобы изменить этническую принадлежность и тщателью скрывали эту свою тайну, ибо по иммиграционным законам фальсификация документов и ложь о происхождении карались выссылкой из США. Статистические выкладки осложнены еще и тем, что в пятидесятых годах – в период маккартизма – для русских в Америке возникла очень трудная обстановка: их могли подозревать как в тайных симпатиях к Советскому Союзу, так и в сокрытии своего сотрудничества в годы войны с гитлеровцами. Ясно, что в подобной ситуации многие предпочитали не называть себя русскими. Не случайно официальная статистическая категория «русское происхождение» превратилась в те годы в распространенный эвфемизм (мы, мол, татары, украинцы, немцы, цыгане, но с русской родословной). Позднее, – как замечено в предисловии к книге В. Кабузана «Русские в мире», – на гребне «диссидентской» волны численность русских сразу возросла, ибо быть таковым стало безопасно, а порой и престижно. Но единожды назвав себя ненастоящим русским, а всего лишь «русским по происхождению», признаться, что соврал (имея в виду те же иммиграционные законы) было уже нельзя⁵⁴.

Не случайно в 1981 г. известная Гарвардская энциклопедия американских этнических групп в статье «Русские» предупреждала своих читателей о том, что категория «русские» в переписи населения США весьма условна, ибо «даже среди иммигрантов, приехавших после мировой войны, многие специалисты и интеллектуалы украинского, еврейского, белорусского, балтийского и иного происхождения продолжали идентифицировать себя как русские потому, что господствовавшая в Российской империи русская культура продолжает доминировать и в советском государстве»⁵⁵.

Первая, дореволюционная волна массовой иммиграции русских в США носила в основном добровольный – экономический (трудовой) характер. Политическая иммиграция тогда была относительно невелика, да и социальный состав той и другой был сравнительно близок. Вторая и третья волны, в отличие от первой, носили политический характер и включали людей из среды самых различных социальных слоев, но их объединяла (хотя и по различным причинам) неприемлемость для себя политического режима в Советской России и СССР. Беженцы второй волны русских в США в большинстве своем отличались от иммигрантов первой волны более высоким образовательным и культурным уровнем. Среди них находилась значительная группа крупных ученых, конструкторов, деятелей искусства, оставивших заметный след в развитии американской науки, техники и культуры. Для беженцев третьей волны была характерна гораздо большая доля квалифицированных рабочих, инженеров и других специалистов, работавших в промышленности, и их выраженная прагматичность. Каждая волна внесла свой вклад в становление русской диаспоры в США и наложила свой отпечаток на этническую историю американского общества.

Но если о вкладе упомянутой выше российской, и в том числе русской научной и творческой элиты, выброшенной второй волной на берега заокеанской республики, в ее науку и культуру мы ныне уже многое знаем и с каждым годом узнаем все больше, то об истории самой русской диаспоры в Америке – образе жизни и судьбах десятков и сотен тысяч рядовых иммигрантов, об их адаптации и социокультурной ассимиляции, о трансформации этнического самосознания и превращения их потомков в американцев, – мы практически почти ничего не знаем. Все эти проблемы еще ожидают своих исследователей.

Примечания

- ¹ Славинский И. Письма об Америке и русских переселенцах. СПб., 1873. С. 17–18.
- ² Филиппов Ю.Д. Эмиграция. СПб., 1906. С. 14.
- ³ Оболенский В.В. (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 119–120; Statistical Review of Immigration and Statistical Abstract of the United States. 1921. Wash., 1922. P. 104.
- ⁴ Патканов С.К. Итоги статистики иммиграции в Соединенные Штаты Северной Америки из России за десятилетие 1900–1909. СПб., 1911. С. 28. 58; Davis J. The Russian Immigrant. N.Y., 1922. P. 8.
- ⁵ Филиппов Ю.Д. Указ. раб. С. 81.
- ⁶ Журнал Министерства юстиции. 1908. № 4. С. 91.
- ⁷ Оболенский В.В. (Осинский). Указ. раб. С. 8, 13, 22; Патканов С.К. Указ. раб. С. 27–28, 58.
- ⁸ Оболенский В.В. (Осинский). Указ. раб. С. 58, 133; Davie M.R. World Immigration. N.Y., 1946. P. 136.
- ⁹ Подробности см.: Smith C.H. The Story of the Mennonites. Berne, Indiana, 1941. P. 389–396, 438, 452, 501, 638–643, 674; Common Ground (N.Y.), 1943. V. 3. P. 96–97; Sallet R. Russian-German Settlements in the United States. Fargo, North Dakota, 1974. P. 10–17, 21–25, 30, 35, 42–45.
- ¹⁰ Нитобург Э.Л. Истоки: к истории русской диаспоры в США // Русские в современном мире. М., 1998. С. 383–384, 385–386.
- ¹¹ Там же. С. 384–385.
- ¹² Оболенский В.В. (Осинский). Указ. раб. С. 50–59, 62–63; Вильчур М. Русские в Америке. Нью-Йорк, 1919. С. 46.
- ¹³ Нитобург Э.Л. Указ. раб. С. 377–382.
- ¹⁴ Летопись. 1917. № 7–8. С. 260.
- ¹⁵ Annual Report of the Commissioner-General of Immigration to the Secretary of Commerce and Labor for Fiscal Year ended June 30, 1910. P. 15, 28, 32; Патканов С.К. Указ. раб. С. 18, 27, 56; Оболенский В.В. (Осинский). Указ. раб. С. 25.
- ¹⁶ Омельченко Е.И. К вопросу об организации русской колонии. Нью-Йорк, октябрь 1917. С. 4–5.
- ¹⁷ Statistical Abstract of the United States (далее – SA). 1930. Wash, 1931. P. 39.
- ¹⁸ См.: Davis J. Op. cit. P. 10.
- ¹⁹ Оболенский В.В. (Осинский). Указ. раб. С. 57–58; National Bureau of Economic Research. International Migrations. V. 1. N.Y., 1928. P. 438–448, 472; V. 2. N.Y., 1931. P. 546.
- ²⁰ Вильчур М. Указ. раб. С. 59–60; National Bureau... V. 1. P. 440–442.

- ²¹ National Bureau... P. 448, 472.
- ²² Кабузан В.М. Русские в мире. СПб., 1996. С. 196–197; Department of Commerce. Bureau of the Census. Immigrants and their Children. 1920. Wash., 1927. P. 97, 99, 140.
- ²³ Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects Changes. Geneva, 1946, P. 39. 42; Kulischer E. Europe on the Move. War and Population 1917–1947. N.Y., 1948. P. 55.
- ²⁴ Например, В.В. Колин, Л.К. Шкаренков, Ю.В. Мухачев, Ю.А. Поляков, С. Максудов, С.И. Брук, В.М. Кабузан.
- ²⁵ Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 21; Simpson J.H. The Refugees Problem. L. 1939, P. 85–87.
- ²⁶ Фельштинский Ю.К. К истории нашей закрытости. М., 1991. С. 117, 147–148; Sandifer D. Soviet Citizenship // American Journal of International Law, 1936. V. 30. № 4. P. 626–628.
- ²⁷ Crahl-Madsen A. The Status of Refugees in International Law. Leiden. 1996. V. I. P. 12–13, 122–132; Simpson J. Op. cit. P. 94, 112, 139.
- ²⁸ International Migrations. V. I. P. 440–442, 448; Stone N., Glenn M. Other Russia. L., 1990. P. 211.
- ²⁹ Duncan H.G. Immigration and Assimilation. Boston, 1933. P. 495–499; Divine R.M. American Immigration Policy, 1924–1952. New Haven, 1957. P. 5–9, 24, 191.
- ³⁰ Slavonic and East-European Review. April 1939. V. 17. № 51. P. 644.
- ³¹ SA-1925. P. 89; SA-1926. P. 93; SA-1930. P. 97, 99; SA-1931. P. 97, 99; SA-1935. P. 99, 101; SA-1938. P. 101; SA-1940. P. 102, 103; SA-1944–1945. P. 111, 113; Divine R.A. Op. cit. P. 24, 191.
- ³² An Immigrant Nation: United Regulation of Immigration, 1798–1991. Wash., 1992. P. 11.
- ³³ 1981. Statistical Yearbook of the Immigration and Naturalization Service. Wash., 1982. P. 3.
- ³⁴ Simpson J.H. Op. cit. P. 468–470; Hassel J.E. Russian Refugees in France and the United States Between the World Wars. Philadelphia, 1991. P. 33, 36; Davie M.R. Op. cit. P. 378; Эйдунтас Ф. Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. Вильнюс, 1989. С. 153. 160.
- ³⁵ Adamic L.A. Nation of Nations. N.Y., 1945. P. 195; Eubank N. The Russians in America. Minneapolis, 1973. P. 69.
- ³⁶ Slavonic and East-European Review. V. 17. № 51. P. 645.
- ³⁷ One America. The History. Contributions and Present Problems of our Racial and National Minorities. N.Y., 1946. P. 123.
- ³⁸ Ibidem.
- ³⁹ Толстой Н. Жертвы Ялты. Париж, 1996. С. 501–504.
- ⁴⁰ Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 335–337.
- ⁴¹ Elliot M.R. Pawns of Yalta. Urbana, 1982. P. 174.
- ⁴² Hollborn L.W. The International Refugee Organization. N.Y., 1956. P. 45–47; Нитобург Э.Л. У истоков русской диаспоры в США: третья волна // США–Канада. Экономика, политика, культура. 1999. № 1. С. 88.
- ⁴³ The Russian Review. V. 9. № 1. Jan. 1950. P. 53–54.
- ⁴⁴ Stone N., Glenn M. Op. cit. P. 425.
- ⁴⁵ The Russian Review. V. 9. № 1. P. 55.
- ⁴⁶ Vernant J. The Refugee in the Post-War World. New Haven, 1953. P. 85; Hollborn W. Op. cit. P. 365; Proudfoot M.J. European Refugees, 1939–1952. L., 1956. P. 425.
- ⁴⁷ См.: Нитобург Э.Л. Молокане в Америке // США. Экономика, политика, идеология. 1997. № 10. С. 76–89; его же. Русские религиозные сектанты и старожилы в США // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 44, 47–48, 50.
- ⁴⁸ The DP Story. The Final Report of the United States Displaced. Persons Commission. Wash., 1952. P. 243–244, 366; Proudfoot M.J. Op. cit. P. 427; Hollborn L.W. Op. cit. P. 437–439.
- ⁴⁹ Дугас И.А., Черон Ф.Я. Указ. раб. С. 392–393.
- ⁵⁰ Statistical Yearbook of the Immigration and Naturalization Service. Wash., 1981. P. 26; SA-1984. P. 90.
- ⁵¹ SA-1971. P. 31; SA-1984. P. 36.
- ⁵² SA-1993. P. 51.
- ⁵³ Fishman A. Language Loyalty in the United. States. L., 1966. P. 36–46; Национальные процессы в США. М., 1973. С. 53. Характерно, что в 1960 г. среди более 460 тыс. лиц, назвавших русский родным языком, в первом поколении его назвали ок. 287 тыс., во втором – 166 тыс., а в третьем – лишь 18 тыс.
- ⁵⁴ Кабузан В.М. Указ. раб. С. 5.
- ⁵⁵ Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge, Massachusetts, 1981. P. 885.

**E. L. Nitoburg. Russian immigration in the U.S.A.
as reflected in American statistics**

The Russian diaspora in the U.S.A. has emerged due to three major waves of immigration over the period of more than 100 years. The article deals with the quantitative and qualitative features of the immigration, with the specifics of the American immigration statistics and the term «Russians» as used in it as well as with the evolution of the legislation on immigration in the U.S.A. in the context of changing priorities in the American home and foreign policy in the 20th century.

© 1999 г., ЭО, № 4

О.Е. Казьмина, Н.В. Шлыгина

**ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ
ИНГРИИ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ
ФИННОВ-ИНГЕРМАНЛАНДЦЕВ**

Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии имеет долгую и непростую историю. Как известно, в 1617 г. по Столбовскому мирному договору Россия отдала Швеции южное побережье Финского залива, Карельский перешеек и Северное Приладожье. Вся эта территория в договоре была названа Ингерманландией, что терминологически соответствовало финскому «Инкери» и русским «Ингрия», «Ижорская земля». Вскоре после этого Швеция, стремясь закрепить на захваченных землях, опустошенных войной и сильно обезлюдивших, начинает поощрять переселение туда финских крестьян, в первую очередь освобождением их от военной службы и налогов¹. Вместе с этими переселенцами, преимущественно из восточных районов Финляндии, на территорию Ингерманландии проникает лютеранство. Коренное же население этого края – воедь, ижорцы, карелы и русские – придерживалось православия, и по условиям мирного договора ему было гарантировано свободное исповедание своей веры.

Для лютеран на завоеванной территории поначалу действовали лишь армейские лютеранские пасторы, находившиеся при гарнизонах и в городах. Но с ростом числа переселенцев-крестьян появилась необходимость организации сельских приходов. В 1623 г. шведский король Густав II Адольф (1611–1632 г.) приказал разделить территорию Ингрии на приходы, направить туда священников и построить церкви. Рост лютеранских церквей и приходов шел быстро. В 1630 г. в Ингрии было всего 8 лютеранских церквей (в которых служили 6 пасторов), а православных – 48 (и всего 17 священников). К 1655 г. насчитывалось уже 58 лютеранских приходов, 36 церквей и 42 пастора (позже число приходов сократилось за счет их укрупнения)².

Приходы объединялись в два пробства: западное (Ивангородское) и восточное (Неванлинское). В 1642 г. их выделили в отдельную епархию, которую возглавил суперинтендент Х. Стахель (Стахелиус), занимавший до этого пост ассессора Нарвской консистории. Для успешной деятельности лютеранской церкви в Ингерманландии была создана прочная экономическая база: треть всех податей, которые взимала на этой территории шведская казна, шла на нужды церкви. Позже ввели особый церковный налог, который обязаны были платить все жители, в том числе и православные.

Число православных церквей при Х. Стахеле сократилось вдвое (в 1655 г. их оставалось всего 20³). Особым ударом по православной церкви стал запрет приглашать священников из России, на месте же не было условий для их подготовки⁴. В 1645 г. русским православным священникам под угрозой штрафных санкций было предписано учить своих прихожан катехизису Лютера. Наряду с этим им не разрешалось читать проповеди «по-фински» (вероятно, имелись в виду водский и ижорский языки), а за попытки обращения лютеран в православие даже грозила смертная казнь.